получили у Тредиаковского совершенно неожиданное, драматическое по тону, развитие:

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне Его;
Дух мой твердо уповает
На Заступника Сего:
Он Защитник, Покровитель,
Он Прибежище, Хранитель,
Повинуя род людей,
Дал он крайно мне владети,
Дал *правительство* имети,
Чтоб *народ* прославить сей.
Не смотря мою на подлость
И на то, что бедн и мал,
Прочих видя верьх и годность,
Что ж их жребий не избрал,
Вышнего судьбе дивлюся,
Так глася в себе стыжуся:
Боже! кто я нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть царь?

Здесь появляется тема неожиданного превращения пастуха в царя, тема неожиданного поворота судьбы, совершенно отсутствующая в тексте псалма; в целом переложение приобретает повествовательность, не свойственную ломоносовским переложениям, а в стиле наряду с библейской лексикой и образностью появляются слова из самых различных сфер лексики.

Для Ломоносова стиль Библии в целом послужил только материалом. Даже в переложениях псалмов, то есть в тех произведениях, где библейский текст больше всего как будто связывал Ломоносова, в действительности он был совершенно свободен, выбирая лишь то, что соответствовало его собственной поэтической системе.

5

Стихотворные отрывки, приведенные Ломоносовым в «Риторике» 1744 года, его ранний перевод Анакреона, да и ода Фенелона («Ode à l'abbe de Langeron»), им переведенная, разрабатывают тематику интимно-лирическую. Молодой поэт в 1730-е годы еще очень далек от тем государственной жизни и политики, от основных проблем своего будущего одического творчества. Даже перевод оды Фенелона, посланный Ломоносовым в Петербург, в Академию наук, как образец его успехов во французском языке, ближе по своему содержанию и тональности к пасторали и идиллии, чем к похвальной оде. Как правильно указывает комментатор академического издания, Ломоносова в этой оде Фенелона привлекала «восходя-